

вится встретить противника). Героическая оборона города («у Переаславля же бишася день») показана на миниатюрах л. 650 об., 651, 651 об.

Финал рассказа о походе Ольговичей художник иллюстрирует на л. 652 со всеми подробностями. Внизу — бежит Игорь («утече у половецъ»). Он сохраняет княжескую шапку и красный плащ, но лишен доспехов и бежит («утече») не на коне, а именно бежит — ногами, прячась за деревьями. Следом послана погоня («гонища же по немъ и не обретоша»). Всадники погони не знают пути беглеца: один указывает налево, другой — направо («не обретоша»). В левом верхнем углу изображена сцена заковывания плененных Ольговичей («многими железы отягчати ихъ»). Но самое любопытное в миниатюре л. 652 то, что Игорь изображен безбородым. Неясно, ошибка ли художника это, или он сделал так намеренно: беглец и борода несовместимы; но, может быть, Игорь бежит («утече») быстро, как подобает молодому человеку, а не украшенному бородой средовеку. Возможно, художник знал отвергнутый вариант Никоновской летописи («Половци же много гнашеся за нимъ, и не постигоша, якоже Саул Давида») — и тогда он, уподобляя Игоря Давиду, изобразил князя безбородым.

Таким образом, художники, иллюстрировавшие рассказ о походе 1185 г., достаточно полно отразили в миниатюрах текст летописи. Ни один из важных аспектов повествования не остался за пределами миниатюр. Изображения в каждом отдельном случае достаточно наглядны и понимаются до прочтения текста. Важнейшие особенности любого объекта повествования прослеживаются на протяжении всего рассказа. Так, Игорь всегда изображается в княжеской шапке, почти всегда в красном плаще (исключение — на л. 641 об. в нижней части миниатюры). Игорь легко узнаваем, как и два сопровождающих его сына. На всех миниатюрах русские князья, находящиеся в походе, одеты в доспехи, которые (вероятно таково представление художника о роли князя-воина) теряются ими при «изымании». Пленники изображаются уже без доспехов (текст об этом не сообщает, но, видимо, «изымание» лишает воинской чести, и художник это специально и последовательно подчеркивает). Это понятно — они перестали быть воинами, какими остались их погибшие товарищи («мертвые сраму не имут»). В доспехах изображаются и погибшие в битве враги-половцы. Последовательно выделяют миниатюристы и других действующих лиц рассказа (Всеволода, Святослава «из Рылска», великого князя Святослава Всеволодовича, Владимира Глебовича, «гостя»), но безличные половцы так и остаются изображенными группой-дружиной (в тексте ведь не названо ни одного половецкого имени), из которой выделяют только лишь послы, приносящие весть о выходе Ольговичей и о первой битве.

Для миниатюр рассматриваемого цикла характерно полное отсутствие сверттекстовой информации о событиях. Художники изображают только то, о чем можно прочесть. Сверттекстовая информация лежит в рамках восприятия художником описываемых событий, она раскрывает представление миниатюриста, его восприятие отражаемого текста, его отношение к событиям, поведению героев повествования и их взаимоотношениям. Вторая особенность цикла — отсутствие деталей: изображается только основное, важное при всей их конкретности. И если на миниатюре изображено нечто, выходящее за рамки текста данного листа, как это сделано на л. 647, где не идет речи о половцах и плененных Ольговичах, но они изображены в верхнем правом углу, то ведь именно об этом написано на л. 646 об. Близкая ситуация и на л. 648. Здесь в тексте половцы также не упоминаются, но поскольку на л. 649 об. указано об отходе их («и бежаша за Донъ»), половцы изображены скрывающимися за рекой.

Таким образом, составители текста и миниатюристы добились единства, когда «зримое рассказывает — рассказываемое зримо»,¹⁰ когда по-

¹⁰ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979, с. 54.